

Портретъ граф. Е. Д. Кушелевой, ронд. Пасильчиковой,
анварель раб. Сонцова.
Изъ собранія княгини М. К. Голицыной.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 51.

1 ФЕВРАЛЯ 1916 Г.

Отд. №—85 коп., въ кіоскахъ жел. дор.—90 коп.

1 ФЕВРАЛЯ 1916 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

A black and white photograph of a wide, open public square, likely St. Peter's Square in Rome. On the left, a series of large, dark, fluted classical columns are visible, receding into the distance. The square is paved with light-colored stone tiles. In the background, a large, multi-story building with many windows and a central dome is visible. Several groups of people are walking across the square, and a few streetlights are scattered throughout. The overall atmosphere is one of a grand, historic urban space.

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

СЕЛЕЗНЕВКА

К. Л. Мсциховскаго.

Екатеринославская губернія, особенно южная ея часть, не богата памятниками усадебнаго строительства.

Этот издавна дикій край, населенный конующими народами еще во времена Петра Великаго, входилъ въ районъ пустынныхъ степныхъ областей. Только догадывались о богатствахъ, заключаемыхъ въ недрахъ этихъ мѣстъ. Но уже при Императрицѣ Елизаветѣ мѣста, занимаемая нынѣ Екатеринославской губ. и также именующаяся Новороссіей, были заселены выходцами изъ Сербіи, Румыніи, Черногоріи (отсюда „Славяносербскій уѣздъ“). Основаны были такъ называемыя „ромы“. Произволъ въ захватѣ земли былъ поистинѣй. Кто сколько хотѣлъ, тотъ столько и нахваталъ.

Въ Екатеринославское время происходитъ нѣкоторое умирѣніе аппетитовъ чужеземцевъ. Упорядочивается управленіе, учреждаются губерніи, наступаетъ предѣлъ развитія сими и богатства Миколоничей, Депперлаовичей, Вунчей... Однако, здѣсь еще не селились южные русскіи семейства. Край некультуренъ и требуетъ огромной работы по приведенію его въ состояніе, пригодное для обитанія. Во второй половинѣ XIX столѣтія сюда интрасирыя являются культуртрегерами этой области. Поэтому-то такъ мало здѣсь усадебъ. Здѣсь не найти коренного, постоянного класса населенія. Остались болѣе случайные пришельцы, а если и были земли, принадлежавшія русскимъ лучшимъ фамиліямъ, то владельцы

и представителн ихъ не жили на мѣстахъ и даже не бывали иногда въ своихъ владѣніяхъ. Позже они стали усиленно пропалывать свои земли. Какъ только обнаружилось мѣстоизкопавленіе киммеріаго утан на руды и промываленіемъ предавали дѣятели (хорошіе по тѣмъ временамъ), сейчасъ же собственники охотно расставались со своимъ имуществомъ. Но они дѣлали невыгодное дѣло!

И вотъ, край, не получившій ни задатковъ культуры художественной, на основѣ просвѣщенія, изъ рукъ богатыхъ и недовѣвшихъ свои владѣнія собственникамъ, попадаетъ въ руки предпринимателей. Разрыты холмы, устья чертоговъ выхлѣва дѣланы, дѣлается тысяча трубъ и ночью разлетѣть пламя допотопныхъ вещей... Какъ эксплуатировать ни необходимо и ни похвально, желательна и устройство жвизни въ условіяхъ болѣе привлекательныхъ.

За послѣдніе годы лишь пробуждается среди нѣкоторыхъ, хотя пока очень немногихъ, собственниковъ сознаніе необходи-

мости, наряду съ использованием богатствъ земли, вознаградить ее за мѣтъ постройки на поверхности ея красивыхъ вѣтвей, развѣтленіи, сезонныхъ мѣстахъ поселеній, устройствомъ школъ, церквей (крайности лишеныя церквей, построенныхъ изъ камня и равнѣ 50 — 60 годовъ), — словомъ, введеніемъ, такъ факторовъ, которые хотя много усилили бы привлекательную сторону жвизни.

Въ числу этихъ немногочисленныхъ „оазисовъ“ художественной культуры, этихъ первыхъ основъ усадебнаго строительства, нужно отнести виллу К. Л. Мсциховскаго.

Въ уютной и живописной котловинѣ, гдѣ протекаетъ, обильная въ лѣтній зной воздуха, рѣчка, расположено обширный тѣнистый паркъ. Въ немъ два помѣщательныхъ дома. Одинъ построенъ лѣтъ 15 тому назадъ и мало интересенъ (деревянный, стиль швейцарскаго шале), другой воздвигнутъ недавно архитекторомъ Гингеромъ и является собой, во-первыхъ, удачный примѣръ примененія для русской усадьбы на югѣ стили итальянскіи аллемо-флорентійскаго характера, и, во-вторыхъ, очень поучительное, дающее блестящіе результаты, использование переломъ мѣстнаго желатаго камня. Въ сторонѣ отъ дома, за стѣной усадьбы, находится только что оконченная церковь-школа съ памятникомъ Александра II передъ

нию; это сооружение еще более интересно оригинальным диким камнем для кладки ступей, — стиль из романо-византийский. Покрытая черепичатым куполом, колокольная и перковь, равно как и лоджия дома для учителей, оставляют большое впечатление подавляющей своей архитектурой — иногда кажется, что это кладка XII—XIII в. какой-нибудь церкви в Дафни или домика рыбака в Нормандии. В этих отношениях почти К. Л. Мещиховского, поручившего архитектору Рудневу постройку церкви, заслуживает всяческого приветствия.

Мы упоминали уже о стиле дома. Миткий, светло-желтый, прекрасно обработанный камень способствовал получению хороших деталей. Три фасада дома обработаны таким образом, что дают впечатление афинских. Со стороны подъезда бани с большими, исполненными из красных, гербом. На открытой террасе перед зданием бронзовая статуя Гермеса — копия с творения Giovanni da Bologna. У входа два чеканные канделябра. На другом фасаде во фронт надписи золотыми буквами: „Labori castus“. Все внутренняя отделка выполнена на фабрике Мельнера, по рисункам архитектора Императорских дворцов Р. Ф. Мельнера; стиль эпохи ренессанса, кроме гостиной, где стиль мебели Louis XVI. Интересно, что материи, которыми обита мебель, исполнены московской фабрикой Сапожникова и в точности воспроизводят некоторые образцы материй из Версаля и Трианона. Замечательны персидские ковры, ласкающие глаз своими сочетаниями, несмотря на редкость оттенков, тоном. Убранству комнаты в „Селезневке“, не посещенной в общем спешка старыми, придает значительный интерес экземпляры старинной мебели: ризное флорентийское бюро стиля cinquecento, кресла того же времени, обитынные разными монастырскими вышивками; на столах, колоннах, этажерках и в витринах интересные бронзовые, мраморные и фарфоровые группы, вазы разных эпох от XV века до наших дней. Особенно хороши на Императорского фарфорового завода и сервизы, а также французские статуи из сочетания золота с слоновой костью.

В кабинете, по сторонам камина из стали Louis XVI — два голубца с сюжетами из басни Лаврофова. Отдельные интересные оригиналы новиков художников К. Макаевского, Свержкова. Есть несколько хороших копий Мурильо и Рубенса.

В общем усадьба — собрание предметов искусства, резидовать полного коллекционирования, рйакций для этого края малейший музей, а как постройка — образец для других подобных усадеб, которыми этот край должен застроиться.

Парк, окружающий усадьбу, представляет значительный интерес рйскими породами деревьев, в сухое лето из этих мест не так легко вырастить такую фавору, которая украсит сад „Селезневки“. Особенно красивы романтические аллеи пирамидальных тополей и липовые гроты, беседки и сводчатые коридоры из стриженной зелени.

Г. К. Лукомский.

КОТОВКА

кн. Н. П. Урусова.

Имение Котовка, состоящее из 13,800 десятин, при селѣ того же названія, Екатериновской губерніи, Новооскоковского уѣзда, въ рѣкѣ Орелѣ, впадающей въ Дѣпръ, граничащей съ Полтавской губерніей и живописно текущей среди еще сохранившихся тамъ дубовыхъ лѣсъ, куплено въ XVIII в. у заграничнаго Кота И. С. Алексѣевичемъ, помощникомъ жемчужнаго кроля, князя Потемкина, и осталось въ семьѣ Алексѣевыхъ до сего дня. За смертью въ прошломъ году послѣдняго въ родѣ владѣльца его оберъ-гофмейстера Г. П. Алексѣева, имѣніе перешло его женьѣ А. П., рожденной графинѣ

Котовка. Южный фасадъ дома.

Котовка. Зала.

Внутри зала почти вслѣдствіе ея. Колонны поддерживаютъ потолокъ съ лепной росписью. Благородный карнизъ, старинныя люстры. Горки съ серебромъ и хрусталемъ. Хорошіе образцы мебели. Портреты — правды коня, — но хорошіе коня Лесникова и др. Въ углу часы англійскія. И главное — уютныя семейныя уголки изъ мебели въ стѣнѣ старинной, хотя и не дѣловской, а отъцовой, но уже становившейся голѣ въ году все болѣе и болѣе интересно такъ называемой роковой эпохи Александра II. Въ залѣ просторно, блестятъ паркетный полъ. Парадно, солнечно, светло...

Въ гостиной-кабинетѣ — прекрасный изысканный паркетъ.

Въ домѣ большая бібліотека, состоящая изъ 20 тысячъ томовъ; хранится масса извѣстной археологической коллекціи древностей покойнаго Г. П. Алексѣева.

Въ саду собранъ коллекція каменныхъ инструментовъ-идоловъ; статуи установлены въ кругу, что придаетъ особую забавную черту „жанрисности“ этому своеобразному музею.

Котовка. Гостиная.

за ла Героньеръ и дочери кн. В. Г. Урусовой, женьѣ Екатериновской Губерніи Префектиса, потомъ кн. Н. П. Урусова. Усадьба занимаетъ 300 десятинъ. Въ домѣ, выстроенномъ въ началѣ XIX в., салъ

„Портреты дѣловъ на стѣнахъ,
И печя въ пестрыхъ нарядныхъ“.

и въ окружающемъ его большомъ паркѣ, расположенномъ въ англійскомъ вкусѣ домомъ послѣдняго владѣльца Д. И. Алексѣевичемъ, получившимъ образованіе въ Оксфордскомъ университетѣ, — все осталось почти безъ переменъ.

Фасадъ дома, въ типѣ южно-украинскихъ одностолбныхъ диланыхъ построекъ, украшенъ колонными портикомъ, съ какъ бы нахлупченными тяжелыми фронтономъ. Въ типичнѣхъ профильныхъ полукруглыхъ оконечкахъ. Ограда съ валами на столбахъ, обшитая пологими лѣтними съ шарами на палочкахъ, пущая у полѣзда, — все какъ помѣщается, какъ привыкъ видѣть главѣ въ старыхъ уютныхъ усадьбахъ. Крутая крыша, крытая елочкой, по старому обычаю, даетъ общій прятный колоритъ.

Парк усадьбы, на несколько плоской, но довольно живописной местности, очень приятен, всякий, кто побывает в Котовск, хранит воспоминание об уют, сотканном из соседних красот, истосковавшегося с сохранившимися отпечатком старины и традициями ее, ревниво охраняемыми владетельями.

Г. К. Лукожский.

Каменные „истуканы“
в парке Котовск.

СОБРАНИЕ СТАРИНЫ КНЯГИНИ МАРИИ КОНСТ. ГОЛИЦЫНОЙ.

Гостиная.

Портреты кн. Долгорукой, возможно, что работы Левинского. Группа миниатюр — большие семейные портреты. Акварель — портреты гр. Кушелева, раб. Раулова.

Часть будуара кн. М. К. Голицыной.

Старинная царская береза. Фарфор. Повея (вышла из фотографии часть его). Большая ваза, старинная китайская: две очень редкого кораллового цвета; другие с бронзой. Вверху — акварельные портреты раб. Бенкеля. Акварель Всеволодовского, карикатуры на петербургское общество 70-х гг.

Гостинная.

Весь фарфор—старинный Севр, голубой с бронзой; такой же, но бѣлаго цвѣта столикъ. Зеркала—венеціанскія.

Гостинная.

Пастель — портреты гр. Кузнецовой; по бокам — стоять два анжур из серпского фарфора, рыхлого, удивительно красивого, синего цвета. Портреты — пастель старика историкографа Татищева, написанный за два часа до его кончины. Два овальных портрета: один, возможно, что работы Лебрун. Мебель красного дерева; на столах рыхлой работы серебряная золоченая посуда.

Часть наброска кн. Б. Б. Голлицына.

Две картины Алмазовского. Бронза тельная и спиринные кубки
из коллекции гр. Кушелева, Зерань — две любимые собаки
гр. Кушелевой, раб. Свержкова.

ГОСТИНАЯ.

Портрет, настолью кн. Б. Б. Голицына, раб. Bellori. Фарфор-Север, голубой сь бронзой. Чашки и чайнички старинного саксонского фарфора. Картина — «Развалины Рима», — Вергунг. Шала-Колосовской.

ИЗЪ СОБРАНІЯ КНИЖНИИ М. К. ГОЛИЦЫНОЙ.

Книжница въ домѣ графа Г. Г. Кушелева, у Симеоновскаго моста, въ Петроградѣ.

Веладка № 76 51 „Сп. и Ус.“.

Съ фотографіею г-на А. О. Промарова
печать въ Петроградѣ въ 20—25 гг.

Н. Людм. Алдр. Штейнгель, рожд.
Оранов.
Портрет, раб. худож. Ресснера.

Баронесса Дар. Евг. Гревенский, рожд.
граф. Богарин, по первому браку княг.
Котубей.
Съ портр. худ. Штемберга.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПОРТРЕТЫ.

Лидия Павл. Поляжкова, рожд. Самойлова.
Портрет, раб. Н. Е. Рыжкова.

Ольга Вас. Устинова, рожд. Зинкина
Трубская (по второму браку Зинкина-
Экзальто).
Портрет худож. Васильева, произвед.
М. П. Бутурая, рожд. Устиновой.

Алекс. Алекс. Чаплин, супруга тов. мин.
Костин.
Портр. раб. худ. Штемберга.

НЕДАВНІЯ СВАДЬБЫ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Влад. Алекс. Чоглоновъ
съ супругой Вѣрой Сер-
гѣевной (Тиссекъ).

Дмитр. Фед. Дубасовъ съ супругой
Маріей Александр. (Тижашевъ).

Гр. И. М. Толстой съ супругой Ириней Ильич. (Раскиской).

Сонно, устало головки склонившіе
Пышныхъ азалій цвѣты бѣлоснѣжные...
Красные блики углей догорающихъ...
Тѣни неясныя... тѣни скользящія...
Въ граняхъ бокала отвѣты дрожащія...
Блѣдный янтарь лепестковъ увядающихъ...

Елена Киклюбергъ

Недавно назначенная Начальница Смольнаго
Института княжна Евген. Алес. Голицына.

АКВАРЕЛЬ.

Бѣлая шкура медвѣжья, пушистая
Теплымъ, рубиновымъ свѣтомъ облитая...
Въ стройномъ, хрустальномъ бокалѣ забытая
Нѣжная, чайная роза душистая...
Шарфа прозрачнаго складки небрежныя
Чѣй-то руки еще слѣды сохранившіяся...

ТАИНСТВЕННЫЙ БАРОНЪ.

Въ ночь на Свѣтлое Воскресенье 1832 г. изъ крыльца дома члена государственнаго совѣта, почетнаго опекуна Ивана Васильевича Тутюмина, раздался пронзительный дѣтскій плачь. Оказалось, что кричалъ маленький ребенокъ, едва ли старше году; онъ сидѣлъ, прислонясь къ небольшой шкатулкѣ, и горько плакалъ. Дѣтя внесли въ домъ, гдѣ съжулилась Пасхальная заутреня и были въ сборѣ всѣ домохозяева, и оно сейчасъ же перестало плакать. Довольно хорошо одѣтый, чистенькій, милый мальчикъ вѣкъ поворачивался. Всѣ брали его на руки, ласкали, цѣловали. При этомъ кто-то замѣтилъ, что у него на шейкѣ виситъ на голубой ленточкѣ—письмо и ключъ. Догадываясь, что ключъ подходитъ къ шкатулкѣ, и отперла ее. Въ ней нашли дворянскую медаль 1812 г., серебряную шпору, красивую гипсовую руку, какой-то сидѣлъ, изъ сколько игрушекъ и наставленіе ребенку отъ его матери. Письмо было на имя хозяйки дома, Софьи Петровны Тутюминой, рожд. графини Паниной.

„Христосъ воскрес! Любезнѣйшая и высокопочтеннѣйшая графиня!“—писала по-французски неизвестная особа, величая Тутюмина, какъ это водилось въ старину, къ дѣвичьимъ титуламъ—„ради Бога и всего, что для насъ свято въ сей жизни, я умоляю наше сятельство, не оставьте этого миленькаго ангела, который становится все забывающъ, начинающъ все понимать, немного ходить и лепетать „папа“ и „мама“, а его заополученные родители его болѣе не увидятъ, можетъ-быть никогда, никогда! Сколь это слово ужасно въ устахъ несчастной матери... оно раздражаетъ мое сердце! Пока слезы мои, кои служатъ мнѣ вмѣсто чернилъ (!), не изсыхали въ глазахъ моихъ отъ глубокой печали, я поспѣваю предувѣдомить ваше сятельство, что (дабы малютка напрасно не плакала) мы приучили его пить чай съ бѣлымъ хлѣбомъ въ пять часовъ утра, за обѣдомъ даемъ ему немного супу. Конекъ на колесахъ, котораго онъ могъ бы двигать предъ собою и даже на него садиться верхомъ, напоминать ему его старыя игрушки“... Далѣе „несчастная мать Н. Е.“ (такъ было подписано письмо) просила, чтобы при воспитаніи его находились только русскіе, дабы онъ былъ такимъ же добрымъ патриотомъ, какъ былъ его отецъ... Я обременяю васъ столькими просьбами, не бывъ еще увѣрена, рѣшится ли вы принять его къ себѣ, какъ то вы сдѣлали въ 1814 или 15 году. Я молю Всевышняго, чтобы онъ внушалъ вамъ столь прекрасную и великодушную мысль для наступающаго высокотожественнаго дня. Не наделите мнѣ смертельнаго удара вашимъ отказомъ! Въ маленькую шкатулку сытъ мой найдетъ описаніе нашихъ несчастій и послѣдніе мои совѣты“...

Это наставленіе было написано по-русски и тоже весьма трогательно. „Христосъ воскрес! Христосъ съ тобою, милый, неоцѣненный другъ мой Алексій. Разсталаясь съ тобою любовный слѣгъ мой въ сей радостный для всѣхъ день одна и, несчастная, должна утопать въ слезахъ при одной мысли, что, быть можетъ, навсегда. Но, какъ это великая жертва для твоего же счастья, то Богъ подкрѣпитъ меня. Вотъ твоя исторія. Всевышнему благоугодно было, послѣ трехлѣтняго союза нашего и блаженнѣйшаго времени моей жизни, даровать намъ тебя въ самыя смутныя минуты, когда только что вспыхнула безумная польская революція. Долгъ чести и службы отца твоего, который былъ тогда въ числѣ подполковника, требовалъ безпрестанныхъ, тяжелыхъ для меня, переходовъ. Но, забывая собственную боль и нужды, я думала только о его успокоеніи и о той неописанной радости, какую принесу ему вмѣстѣ съ тобою. Минута сія настала. Но увы! отца твоего уже не было при насъ: онъ пропалъ безъ вѣсти во время жаркой стычки съ вра-

гами Россіи на берегу той самой рѣки, гдѣ некогда отличился одинъ изъ его предковъ, польскій выходецъ, и получалъ за то прикоманде и украшеній къ гербу, кои и понынѣ сохранялись въ родѣ его. Оставшись одна съ тобою, я снова блуждала съ нуждою и торемъ пополамъ, заботясь только объ устройствѣ судьбы твоей. Наконецъ, прибывъ сюда и не зная никого, я вспоминала, что отецъ твой говорилъ о благотвореніяхъ Софьи Петровны и Ивана Васильевича“. Заповѣдая сыну любить Бога, вѣрно служить Царю и почитать своихъ благодѣтелей, мать кончаетъ письмо: „въ шкѣ найдешь медаль, форму руки и шпору, кои да напоминать тебѣ предметы, кои отецъ твой любилъ болѣе всего на свѣтѣ... Богъ съ тобою! Прости, быть можетъ навѣкъ. Но, если Ему угодно будетъ, чтобы я еще разъ тебя обняла, то по купону сего письма узнаешь меня. По гробъ любящая тебя мать Н. Эмжеуери“.

Ребенокъ попалъ въ домъ Тутюминыхъ въ чрезвычайно благоприятную минуту. Сердца стариковъ-хозяевъ, помимо Свѣтлаго праздника, были умилены еще особенной радостью. Къ празднику Пасхи д. т. с. Тутюминъ удостоился очень высокой награды: ему былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго при рескриптѣ, въ которомъ Государь давалъ Тутюмину вмѣсто отставки—„безсрочный отпускъ“ и просилъ его „не оставлять полезной отечеству службы“. Подѣйствовало, вѣроятно, и напоминаніе о какомъ-то добромъ дѣлѣ, совершеномъ въ 1814 или 15 году. Софья Петровна тутъ же рѣшила дать малюткѣ Алексѣю отчество „Андреевичъ“, по ордену св. Андрея, и выдумала для него и фамилію: „Паскинъ“, въ память дня, когда онъ явился передъ ними такъ неожиданно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ эффектно.

Добрые старики оставили мальчику у себя и занялись его воспитаніемъ. Глубоко заинтересованная его происхожденіемъ Софья Петровна, повидимому, пыталась розыскать его мать и въ томъ же 1832 г. попробовала, путемъ газетной публікаціи, дать ей знать „о способѣхъ получать извѣстія о дѣти“: Но отклика не послѣдовало. Вскорѣ, въ 1834 г., Софья Петровна умерла, но заблаговременно подумала о мальчикѣ и по завѣщанію оставила ему порядочныя средства, навсегда его обезпечившія. Когда же не стало, Иванъ Васильевичъ продолжалъ заботиться о немъ. Ребенокъ, должно быть, родился подъ счастливою звѣздой. По крайней мѣрѣ онъ умѣлъ нравиться, и старики Тутюмины горячо къ нему привязались. Онъ рѣшилъ устроить не только матеріально, но и „политическое состояніе“ мальчика и въ 1836 г. обратился къ Государю съ исподаданнѣйшимъ прошеніемъ „о судьбѣ невнятнаго сирота“. Изложивъ исторію бѣднаго подкинутого младенца, который, „отличными качествами одаренный отъ природы, сдѣлался извѣстнымъ въ обществахъ обѣихъ столицъ“, Тутюминъ высказалъ предположеніе, что несчастная мать, „сдѣлавъ распоряженія объ участіи сына своего и вручивъ кормилицѣ письма, отправляясь отыскивать мужа и, пробывая между толпами митенниковъ, сама погибла“, а кормилица подкинула дѣтя и скрылась, „опасаясь отвѣстности и отчета въ имуществѣ, которое въ рукахъ ее находилось, родители ребенка принадлежавшемъ“,—предположеніе, которое тѣмъ неосновательнѣе, что самъ же Тутюминъ считалъ письма, найденныя при ребенкѣ, приговоренными самою матерью. И Тутюминъ проситъ Государя „допустить исходатайствовать индигенатъ Паскину въ иностранномъ государствѣ и сопровѣщать къ российскому дворянству при вступленіи его въ службу. Безъ сомнѣнія, опредѣлитъ состояніе ребенка безъ нетрудового свидѣтельства противно уставу, но непро-

во великодушному Императору услышать последнее семидесятилетнего старца... Забота воспитателя сироты, судьбою поставленного, столько же естественна, как и надежда на счастливые дарования ребенка, дворянским свойственным. Будучи из семьи убеждений, возможно ли остаться беззаботным к будущности существа, столь драгоценного сердцу христианину и мнѣ въ особенности. Основание судьбы невинного сироты уладить последние дни жизни моей, я безъ ропотанія переселюсь въ вѣчность съ неумолкаемыми молитвами ко Всевышнему за Государя-благодетеля».

Подданному ребенку действительно везло. Государь приказал вице-канцлеру, графу К. В. Нессельроде, войти въ переговоры, черезъ русскаго посла въ Вѣнѣ Д. П. Татищева, съ австрийскимъ правительствомъ по поводу пожалованія Паскину баронскаго титула. Желая сдѣлать пріятное русскому Двору, австрийскій императоръ Фердинандъ I въ 1839 г. подписавъ грамоту на баронское достоинство Паскину. «До нашего свидѣнія» — говорится въ ней — «дошло, что Императорскій Россійскій д. т. с. Тутюминъ достоинъ отличной награды и особеннаго ознаменованія нашей милости и благоволенія, посему мы на всецѣнное прошеніе поминутаго Тутюмина всеи-днѣшнѣе собогловали — его воспитанника Алексѣя Паскина, вмѣстѣ съ законнымъ его потомствомъ обоего пола, познати въ австрийское баронское достоинство, на употребленіе коего мы ему и его законнымъ потомкамъ отнынь навсегда даемъ право»... Въ 1843 г. состоялось Высочайшее повелѣніе признавать Паскина въ баронскомъ достоинствѣ, а къ русскому дворянству причислить при вступленіи въ службу.

И. В. Тутюминъ умеръ еще въ 1839 г., не дожидаясь окончанія этихъ хлопотъ. Послѣ его смерти мальчикъ былъ поданъ опекой душеприкащика и шурина Тутюмина В. Д. Камынина, а когда умеръ Камынинъ (1842 г.), за нимъ наблюдала его вдова Анна Вас., сестра покойнаго Тутюмина, но вскорѣ и она умерла (1844 г.). У кого жить и воспитывался потомъ Паскинъ, нѣтъ свидѣній. Известно только, что онъ учился въ московской реальной гимназій, въ 1850 г. поступилъ въольвоопредѣляющимся въ гусарскій Великаго Князя Константина Николаевича полкъ, въ 1851 г. былъ произведенъ въ естандартъ-юнкера, въ 1852 — въ корнеты, въ 1854 — переведенъ въ лейб-кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ (теперь «кирей кирасир») и произведенъ въ поручики. Въ 1856 г. Паскинъ былъ переведенъ корнетомъ въ лейб-гвардію гусарскій полкъ, гдѣ произведенъ въ 1857 г. въ поручики, въ 1859 — въ штабсъ-ротмистры, въ 1860 — въ ротмистры. Въ 1863 г. умеръ. Обстоятельства его преждевременной смерти ничего неизвѣстно. Жена его не была. Надпись на его надгробіи памятникѣ, въ Сергіевой пустыни, близъ Петрограда, гласитъ: «родился 17 апрѣля 1831 г., умеръ 20 іюня 1863 г.».

Такъ промелькнулъ въ круговоротѣ столичной свѣтской жизни баронъ Паскинъ, единственный носитель этой курьезной фамиліи. Обществу давно уже, какъ говорилъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи его благодѣтель Тутюминъ, интересовалось его происхожденіемъ. Подобно многимъ такимъ, «счастія баловнямъ безроднымъ», неизвѣстно, чему и кому обязаннымъ своими деньгами, титуломъ, общественнымъ положеніемъ и вообще всяческими удачами въ жизни, этотъ аристократъ безъ рода и племеніи, Богъ вѣсть откуда явившійся, прославлялъ *hâtardomъ* очень высокой особы.

Публикуя (въ «Русск. Архивѣ» 1908 г., кн. I) изъ официальныхъ источниковъ пересказаніи нами издѣ свидѣній о Паскинѣ, покойникъ А. А. Голубѣвскій

обращался къ читателямъ: «Вѣроятно, еще многие помнятъ барона Паскина, равно какъ живы еще и его сослуживцы по полку. Было бы интересно, если бы они сообщили мнѣ, бывшаго у нихъ свидѣнія и воспоминанія о немъ, а равно также и о томъ, не сообщалъ ли онъ какихъ-либо подробностей или предположеній о своемъ происхожденіи».

Никто не отказался на это приглашеніе, а между тѣмъ тайна происхожденія барона Паскина уже давно открыта — и притомъ не менѣе просто и легко, чѣмъ тотъ ларчикъ, которымъ сопровождалось его появленіе въ домѣ Тутюминыхъ. Вотъ что расказываетъ въ своемъ дневникѣ (часть котораго, подъ заглавіемъ «Шумные годы», напечатана въ журналѣ «Колосъ» 1884 г.) сенаторъ, ст.-ср. А. Д. Комовскій. Подъ 8 ноября 1859 г. въ дневникѣ Комовскаго находится такая записка («Колосъ» 1884, апр. 55—58).

«Помалю мнѣ недавно въ русскіи книжки *«Les bandes corses»* par Chagneton. Она повѣствуетъ Эмилю Жюверну, который написалъ предисловіе къ записку происхожденія всѣхъ незаконнорожденныхъ въ томъ числѣ и своего. Недавно же я встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ маленькаго, рыжесвѣтлаго гусара-старика въ изысканномъ кафтанѣ, которымъ онъ чуть было не захватилъ. Я шелъ съ товарищемъ Д. Д. Мертваго. Гусаръ такъ крикнулъ на насъ, что, я думаю, въ полку, въ Царскоселѣ, съ гусары вздрогнули отъ голоса хрипца».

— Кто этотъ франтъ? — спросилъ я товарища.

— О, презабавная личность! отвѣчалъ Мертваго. Баронъ Паскинъ, *sou-disant fils de l'Empereur Nicolas*, прозываетъ его почти со страхомъ.

Я улыбаюсь и подумалъ: «Божѣ мой! Какая еще, невинная впрочемъ, клевета на покойнаго Государя!»

Но самъ баронъ, въ всѣхъ расказанной исторіи его происхожденія и не подозрѣвая, что въ его судьбѣ втрѣтся такая необыкновенная случайность, которая вскорѣ могла напомнить что *de sublime à l'ordinaire il n'y a qu'un pas*.

Баронъ Паскинъ обмолвилъ своимъ происхожденіемъ и своею судьбою моему родному старшему брату Сергію. Сказавъ, однако, я изложу здѣсь исторію моего, почти розного, племянника.

Сауза въ Смоленскѣ монастырь секретаря при управленіи — въ арсенѣ старука графиня Александровна. Братъ мой, какъ и всѣ мои братья, жилъ, приволакиваясь въ одной изъ тамошнихъ горницъ. Двухъ братья, а се вѣдалъ, далеко не красавикъ! Это отозвалось и на баронѣ Паскинѣ — сынѣ. Братъ же мой былъ красивѣйшимъ молодымъ человѣкомъ. Послѣ весьма обыкновенныхъ лѣтъ и охотъ, вѣдовахъ и востаній, явился на свѣтъ мальчикъ. Куда же дѣтъ? Какъ его скрыть?... Къ счастью, это случилось около Паски, во время великаго поста. — Братъ мой Сергій и теперь еще — а слово было великѣй — мастеръ на разныхъ выдумкахъ, какъ мы всегда изъясняли — кунштотъ. Въ то время членомъ управленія былъ изысканный вѣкъ старикъ Тутюминъ. Братъ Сергій былъ хорошо принятъ въ домъ старика. Зная доброту его сердца, зная также доброту и чужеземно бездѣльную, впрочемъ, старушка — жены Тутюмина, братъ мой рѣшился и уговорилъ свою соратницу подкупить ребенка Тутюминымъ.

Къ чести матери должно сказать, что она, какъ расказывалъ мнѣ самъ братъ мой, долго на это не соглашалась, не нашла въ утѣхѣ, а можетъ быть и изъ саркастичнаго скорби развѣстать съ первымъ извѣдомъ зачатой любви.

Чтобы придать дѣлу характеръ загадочный и романсическій, братъ мой придумалъ — а она мастеръ придумывать ребенка шепотомъ, положить его въ красивую корзинку и прислать — въ зѣвкъ дворянскаго его происхожденія — одну шпору и одну позвонку фигури на фестоны ирландскаго анта на нѣмцута, а ужъ теперь забылъ, съ лѣнкою, что по другой шпорѣ и по другой позвонкѣ — маленькій современникъ открылъ своихъ родителей либо развѣстившимъ.

Чтобы еще убѣдительно было для Тутюминыхъ принятіе мальчика, братъ рѣшился принести его въ двери дома стариковъ въ Свѣтлое Воскресенье до завтра.

Придумано, сказано и сдѣлано! Но никакъ не воображалъ братъ мой, что еще и сама судьба поможетъ ему устроить судьбу своего алтеиша неисканнаго сына. Ахъ!

Конечно, Тутюмины были порождены такою нахальною! Но, конечно, велика была и не принятъ, се въ то время, когда болѣе вѣрныя старія собирались къ завтрашнему помолвѣ воскресенію Христу. Еще никто въ городѣ объ этомъ происшествіи не зналъ, еще не могла проникнуть эта вѣсть и въ стѣны Зимняго дворца, какъ вдругъ оттуда присылаютъ Тутюмину неожиданную, а можетъ быть и ожидаемую, награду: ордѣнъ Анныя Прозваннаго. «Ахъ!»

зашушукали из дождя. — Здр! заговорный родственники. — Так вот за что! — забывали интимному записнику. Видно, что так! скромно ублажался про себя старик Тутюшкин и, приняв свою награду появившегося таинственного мадам из шпорок и обрившегося листочка, аккуратно, конечно, поблагодарил судьбу, привел мадам кать родного, дал ей фамилию Паскина и стал воспитывать его с доверливым предположением о происхождении его роскошно.

Всё астор и из город заговорили, что, мол, явился какой-то воспитанник у старика. — Что он царский — сомнительно! И день Паски, и Андреевская деда — как-то еще доказательств было! Но кто мать его? что за дача, что, попроси! Разрешения было тысяч!

Как из дачи высиживались, мать всеми этими слухами и толками настоящие отец и мать мадам, продолжая, между тем, готовить ему и родственникам! — Появился через обычное время, — а может быть и позже, не знаю уж хорошо — и другой мальчик. Того уже не подкидывали, а дали кому-то на руки на воспитание. С этим вместе, явля, что судьба одного бесцельно размыслась, предположили снабдить посланного другим шпорок и другого пованнику листа, чтобы эти пованнику мать современно да признали друг у друг — брата.

Тутюшкин воспитал своего плеча как барченка. У него был и гувернер, и ходил учился. И помню, как в 1844 году, бегнул по мосту из Москвы, брат Сергій, который поспешно сбежал за судьбу своего сына, ходил, мадам, как, под предлогом знакомства с гувернером, не подорывавшим, конечно, принципам наивности. Паскину Тутюшкин купил или выпросил из Австрии баронский титул. Теперь он гвардейский гусар, с состоянием, от бедного Тутюшкина ему доставшимся, и, конечно, не раз утешался в своих мечтах знатностью своего таинственного происхождения...

А если бы узнал он, сей таинственный герой, — какой он обыкновенный смертный!

Когда-нибудь, и узнает! — Гдъ его брат и что с ним? — я и не знаю и, признаюсь, никогда не интересовался разспрашивать об этом брата Сергия. Знаю, что мать из горничной жана, горничною и умерла! — и умерла тогда уже, когда брат мой женился на графини Комаровской, Софьи Евграфовны, от которой он и скрыл этот роман.

Теперь брат мой овдовел и от законной своей супруги, оставшей ему шестерых детей и крайне скучное состояние, из пота жана своего на 61 году жизни списывает жить наущный для семейства, а барон Паскин разблужать в кабриолетах и чуть-чуть не задался своим дядюшко, не подозревая, конечно, что в этом жалком смертном есть часть родной ему крови!.

Вот судьба, вот fortuna!.

Помнится, что во время холеры 1849 года брат Сергій передавал мне все бумаги, до шпорок и судьбы относящиеся, прося в случае смерти его соединить обоня брата-неимущего.

Когда же они соединятся?

Немного можно прибавить к этому забавному рассказу, так близко сходящемуся с появившимися ползика спустя документами и до дня исчерпывающему многих и многих, интриговавший вопрос, что такое загадочный барон, — разве лишь несколько слов об отце Паскина.

Серг. Дим. Комовский (1798 — 1880), потомок польского шляхетского рода (недаром все-таки наместник на польское происхождение попал в "материнское заглавие" родительницы Паскина), при Алексее Михайловиче перешедший в русское подданство, воспитанник Царскосельского Лицея, гдъ был товарищем Пушкина (о котором оставил краткие, но любопытные воспоминания), служил с конца 20-х гг. по 1841 из советъ воспитательного общества благородных дѣтей. Здѣсь, по словам лица, хорошо его знавшего, он, управляя канцелярией Смольного института, составлял "les délices de toutes les vieilles demoiselles de la communion" и мастерски устраивал свои дѣлшки. Школьные товарищи, и впоследствии интересовавшиеся его судьбой, не особенно его любили и называли "лисой", "мартышкой", "паясом".

Комовский маленький типич

И смотрит точно как лисичка, —

говорится о нем в одной из "национальных писем", расфасованных первыми лицестами¹⁾.

Штука, которую сыграл Комовский с Тутюшкиными, с такою уверенностью устроивая у них своего незаконного ребенка, вполне обличает и его рзвую проказливость, и вместе с тем его заботливую дѣловитость. Кукушка весьма предусмотрительно выбрала для своего янчика теплое и мягкое гнѣздышко. Наверное не раз папаша весело потирала себѣ руки, наблюдая, как славно жинется сынку, а на судьбу барона Паскина оправдалась старая поговорка: "везет как незаконнорожденному".

Н. Лернер.

¹⁾ "И ошбон" — прибавил потом автор дѣлшек: — Брат мой сказал, что мать Паскина вышла бѣднужка из колѣсника советника Урбанова-Пенюкова. Сидѣла там, умерла хворавшею.

²⁾ См. Н. Гасфрейда, "Товарищ Пушкина по Нев. Царскосельскому Лицею", т. I. К. М. Грот, "Пушкинский Лицей".

СТРАНИЧКА МУЗЫКАЛЬНОЙ СТАРИНЫ.

А. А. Албеевъ и А. С. Грибобдовъ.

Съ названіемъ „эпоха дилеттантства“ тѣсно связано представлеіе объ отношеніи священныхъ музыкальныхъ творчествъ, о первыхъ заплатахъ той своеобразной формы русскаго романа, кажда составляющей одну изъ характернѣйшихъ сторонъ нашего музыкальнаго искусства. Возникаютъ въ памяти очертанія выдѣлшихъ акварельныхъ портретовъ, мнѣніе воображенія грустный дѣлчій взоръ, выблуривъ вѣчно мѣлоче, гдѣ то возмущавшая сердца папаша бабушка.

Но если поминаніе еще удержива въ душѣ впечатлѣніе наивной, то совершенно вѣстали изъ памяти біографическія подробности о композиторахъ этой эпохи.

Только въ послѣднее время, съ ростомъ интереса къ жизни художественной старины, стали появляться пока еще рѣдкія работы, посвященные композиторамъ до-Глинкинской эпохи. Среди нихъ, одно замѣчательное имѣетъ принадлежать Александру Александровичу Албееву, автору популярнѣйшихъ, истымъ концертными исполненіемъ заслуживающихъ, „Соловѣй“.

А. А. Албеевъ несомнѣнно представляетъ собой одну изъ

примѣчательнѣйшихъ личностей двадцатыхъ годовъ. Его богатый неожиданными поворотами жизненный путь тѣлательно изслѣдованъ Г. Н. Тимоневымъ, недавно вышедшая монографія котораго дѣлѣ весьма цѣлнмъ и совершенно новымъ біографическимъ матеріаломъ.

Москва въ началѣ двадцатыхъ годовъ жила интенсивнымъ музыкальнымъ жизнью, и въ кругу такихъ знаменитъ, какъ Одоевскій, гр. Вязовскій, Верстовскій, Албеевъ имѣлъ возможность ассистировать развитію свой талантъ, значительно пополнить свое убогое домашнее музыкальное образованіе. Но особое значеніе имѣло для Албеева знакомство съ А. С. Грибобдовымъ, великимъ интуитивомъ и любящимъ музыку.

О Грибобдовѣ, какъ о музыкантѣ, мы знаемъ очень немного, но это немного тѣлательно собрано и обработано въ превосходномъ очеркѣ проф. С. К. Буача, помѣщенномъ въ первомъ томѣ академическаго изданія соч. Грибобдова. Теорію музыкальнаго искусства Грибобдовъ изучалъ, вѣроятно, у знаменитаго въ свое время петербургскаго педагога А. А. Малаера, быть можетъ вышшаго своимъ ученикомъ и А. Албеева. Сохранилось весьма цѣнное

Графиня Елизавета Владимировна Шувалова.

Вѣра Серг. Варушъ-Секретъ.

Нина Серг.
Родзико.

ДАМЫ,
РАБОТАЮЩИЯ
НА НУЖДЫ
ВОЙНЫ.

Анна Николаевна Аленстова, супруга
начальника Штаба Верховного Главно-
командующаго.

Елизавет. Серг. Варушъ-
Секретъ.

(Всѣ три сестры работаютъ
въ своемъ лазаретѣ имени
„Варушъ-Секретъ“, въ имѣн.
„Софienka“).

Вдова гет.-адъют. Гофмей-
стерина графиня Марія Але-
ксандровна Шувалова.

Ксен. Мих. Горячновская.

Ольга Оттон. Бенель, работать на своем лазарете.

Б. М. Исциховская, работает в своем
дзиргѣ въ Екатеринославск. губ.

О. А. Григорьева, супруга Сахалинского губ.
председат. ряда благотворит. общ. и комит.

Ольга Африн. Матафеева, супруга
Черныговск. вице-губернатора.

Комитет школы-приюта для увеченных, основ. из предств. служб. и рабочих постройки ж-д. линий Петропавловск - Сорокой и Мурманской. В группу: председательница К. М. Горичковская, В. В. Горичковский, А. П. Камышев, А. И. Рыбин, А. Д. Хотунцев, П. Д. Ракошницкий.

Ада Гвидовна Кондратовичъ (рожд. Ряхтеръ),
супруга ген.-лейт.

Е. Д. Рейманъ, вдова ген.-м., начальница Минской Алексѣевской женской гимназіи (съ дочерью).

Е. Г. Лебедевич-Драевская,
сестра-настоятельница Кресто-
воздвиженской общины.

Лазарет при Государственной Канцелярии и Государственной Типографии имени Е. И. В. Наследника Цесаревича. Попечитель Лазарета штабс-майстер И. И. Назимов, старш. врач М. В. Сомов, врач С. М. Доброголов, врач Г. Я. Трошин, старш. сестра В. П. Шевелева (сверху), зав. каб. В. А. Дерюжинский, сестры милосердия О. Н. Боткина, А. А. Пальчикова, Н. В. Вадимская, Я. Ю. Захаровская, В. Н. Стефан, Е. Н. Немань, Е. Д. Осанова; смотр. адм. В. Н. Ильин.

Общество „Национальное Кольцо“.

Основано в 1914 г. Цель Общества — помощь семьям запасных, призванных на войну.

Председатель С. И. Кутейников; тов. предсд. кн. Н. М. Вазюковская; секретарь А. Г. Сергеев; Члены Совета: В. Е. Белоусов, А. П. Шингел, М. Л. Новикова, ген.-м. М. Я. Аверьянов, В. А. Кузьмин и М. С. Казимирский.

Севастопольский санитарий „Армия и Флот“.

1. Пред. Казимирский, 2. Чл. Ком. Л. Х. Покровский, 3. Чл. Ком. А. Н. Синица, 4. Вице-предсд. кн. М. А. Пугачева, 5. Казначей А. Л. Колесников, 6. Д-р И. И. Георгиевский, 7. Сестры мил. М. И. Гурвич, 8. Чл. Ком. А. С. Бункина, 9. Зав. каз. хозяйств. А. К. Кузнецова, 10. Чл. Ком. О. К. Гестеско, 11. Чл. Ком. М. М. Шваблева, 12. Чл. Ком. О. В. Милинченко, 13. Чл. Ком. А. И. Шутова, 14. Чл. Ком. Н. И. Федорин, 15. О. А. Черасова; сестры мил. И. И. Трубецкая, М. Васильевская, Е. Л. Режалева, Е. И. Заволова, Л. Ф. Зотова и М. И. Порохова.

Романш Ролант, один из немногих больших русских писателей, рискующих и в эти дикие времена говорить о братстве народов, о цивилизации, уважении к личности человека, а не национальному прыжку наклепанному на человеческую душу. Роланту предположено присудить Нобелевскую премию и это вызвало сотни протестующих статей из лагеря, крушащего культуру в диком изступлении и проповедующего человеконенавистничество.

Случайно оказалась под руками книжка Р. Родана "Жизнь Бетховена". Потому что написано Роданом, остановило внимание. Родан написал ряд биографий великих людей. В предисловии к этим биографиям, написанным года за три до страшной войны, Родан говорит, точно предвидя:

Воздух сгустился вокруг нас. Старая Европа шны-
рять в тьмелой и испорченной атмосфере. Мелкий мате-
риализм подавляет мысль и мншает деятельности прави-
тельства и индивидуума. Мир задыхается в своем бла-
гоустроенном и жизненном зноиизме. Мир погибает.—
Откроем наши окна. Впустим свежий воздух. Станем ва-
рать дышащее стекло.

Герои человеческой цивилизации, понятие. О них идёт речь. И первым Роланд берёт Бетховена, гения музыки, человека в высшей степени несчастного в личной жизни, и тем не менее поклонявшегося «радости», которую он всюду стремился найти. Переводчик «Жизни Бетховена» добавляет от себя такое введение:

Постоянная больница, вялое неудачное искание любви, непонимание публикой лучшими создания гения, постоянно неустойчивое материальное положение—всего этого было бы слишком достаточно, чтобы погрузить обыкновенного человека на самое мрачное отчаяние. Но если вспомнить, что Бетховен был музыкантом, и что начало его творчества совпало с началом глухоты,—то естественно, что и от великого человека мы можем ожидать всего, кроме радости. Достаточно указать на Байрона.

И все-таки Бетховену воспринимать Радость. Мечтая об этом всю жизнь, он находит силы для исполнения этого желания на пороге старости, когда вся благодать его жизни особенно сгущается и должны были бы появиться слезы, уничтожить всякую — даже Бетховенскую — волю и энергию.

Ета загадка душі Бетховена особливо остано-
вила увагу.

Каждый новый год приносить Бетховену новые разочарования, Бетховен совершенно оглох наконец, и ему, гению звуков, это было еще тяжелее, чем другим.

И вестки оставалась радость жизни, этой радости он пил по презанию гимны из своих безсмертных симфоний. Еще больше 20 лет Бетховен прожил глухим, к тому же больным, рядом непрекращающихся болей, прожил, посты того как думал, что жизнь дальше уже невозможна что он дошел до стны несчасть. Абсолютно не счастливый в любви, одинокий, Бетховен пишет своему другу трагическое своим лаконизмом музыкальное письмо: ябское ноть и под ним слова: „о-дин, о-дин, о-дин!“... И тут же рядом, одновременно, в своих музыкальных творениях Бетховен воссоздает радость жизни.

Что следует отсюда?

Может быть, следует то, что жизни без вяр-
нъ ея радости, без искания ихъ — невозможно; что
человѣкъ долженъ умереть, когда онь пересталъ
искать радости жизни и это исканіе и есть тотъ
жизненный элексиръ, надъ которымъ тѣшны труды
и алхиміи, оно еще долго заставляеть работать
организмъ, готовый остановить свой обмѣлъ веществъ
и умереть... Этотъ духовный импульсъ снѣжить, быть
можетъ, всякихъ физическихъ воздѣйствій. И даже
наивно сильнѣе...

 B_4, K^*

ИЗЪ ЭЛЛИНСКОЙ АНТОЛОГИИ.

(Иль Мелангра).

Спишь, Зенофила, стебель мой стройный? Зачем не могу я
Вместо волшебника сна к вёскам усталым прильнуть,
Чтобы не мог он с собой унести тебя в царство видный,
Чтобы один я в тебѣ ночью и днём пребывал!

• •

Пусть облетают цветы над головою Геліодоры:
Ярче сияет без них пышный цвѣтокъ красоты.

(На статуе самура работа Діодора).

Нѣтъ, не изваянъ сатиръ, — онъ лишь усилень Дюдоромъ.
Спитъ очарованъ металлъ. Тише! не тронь, не буди.

H. A.

ЗАУДАУСТНАЯ КРАСОТА

Г. К. Лукомский. Памятники Старинной Архитектуры России". 41, 1).

Давно ли у нашего общества открылись глаза на строительную красоту русских столиц и резиденций, на ту небывало щедрую затрату архитектурного гения, которая была произведена в последние столетия, отдающиеся уже Елизаветы от Николаевской эпохи.

Едва ли десятилетиями миновало с тех пор, как «русский анимир», слышавший у двух-трех последовательных поколений несвободным и бездушным выражением «казарменности» и «ка-женщины», был открыт, оправдан и, так сказать, вновь обретен для человеческого сознания.

И так же скудно и зачастую еще у нас, по сей день, отношение к архитектуре. Мы не ценим ее, не уважаем, не считаем ее искусством. И потому не хотим ее изучать, не хотим ее понимать. И потому не хотим ее любить. И потому не хотим ее беречь. И потому не хотим ее создавать. И потому не хотим ее совершенствовать. И потому не хотим ее развивать. И потому не хотим ее обогащать. И потому не хотим ее украшать. И потому не хотим ее совершенствовать. И потому не хотим ее развивать. И потому не хотим ее обогащать. И потому не хотим ее украшать.

иный и пресветлых навыков, «красной жизни». Но чужд ли носитель обобщенной любовью и зорким вниманием наших «идеальных» «кавалеров»? Осталась русская провинция, инициалы «помещиков», а городские губернская, уездная и уездная. Правда, инициалы таких же, как старинная строительная культура, как Ростовы Великие и Углы, Костромовы и Волгодлабы были описаны монументально. Однако, безусловное перенесение отдалось в историю городов, уберечься древнее жасалось до петровского церковного зодчества. Дать обобщенное и владение изображение форм и духа сравнительно позднейшего правительственного и гражданского строительства «на мистиках», как бы илюстрировать кинесическую русскую «провинциальность», возродить не одну лишь, мускетскую» романтику белоодежных усадьбы, но и чуждую пустыню, «машинных» эпох, да сонную, «кустарную» неспору радость и трагизм, — не пытался еще никто из замечательных наших деятелей, столь неслыханно, по успевших совершить столь многое за короткий срок. Проблему эту воспевают лишь обширные труды Г. К. Лукомского «Памятник Старинной Архитектуры России», первый том которого, посвященный «дальней провинции», вышедший была в этих днях издательством «Шиповника».

Самый замечательный, вышедший в это время том особую группу художественно-бытового впечатлений, проводящий грань между частной пышностью столиц и борьбе интимными чарами «лагунальной красоты», — вполне оправдал особенностей типического облика русского провинциального города, который, так же, как с его мостовыми, выложенными крупными булыжниками, или поросшими травой да бурьяном, с типичными по ним сонными лопочками, с обширными пашенными полями и несущимися по ним тучами пыли, с высокими покатыми каменными и «дешурными» на них, то сонно шагающими, то торжественно выходящими черные сигнальные шары, с дорисованными заборами, охватывающими абонированные и живые сады, с достаточными группами и зданиями на них казались и торговцами, с лабазными, падающими муклой, розжогом, детством и аскамо вкусово базисом, с рывками заглядывающими воротами, украшенными вышитыми полукартинными фронтонами и калиточками со ступенями, обросшими бузиной. Не характеризуют ли немного, приведенных только что строки жесткости подхода автора к тем? Его задача — не научная регистрация памятников зодчества, педантичный анализ и безостаточное описание строительных форм; провинциальное зодчество рисует нам в непосредственном

сочетании с жизнью и красками пейзажа, с атмосферой местного бытового уклада. В дачных и немного мистических архаизмах гостиниц дворян» — в, строящихся колоннадах присутственных мест, близлежащих на окраинах или лагунах фонь стили, даже и «маленьких» с старинными вывесками, на которых по синему фону начертаны надписи золотыми, «готическими» буквами «Анналовская» «прифт», — выносятся для Г. Лукомского как бы не адекватность провинциальной жизни, подготовка ее косной и уютно-идеальной души.

Избранный автором метод ознакомления читателей с архитектурой нашей провинции отнюдь не идеален. Материал распределен не по городам, областям или историческим зонам, а по типам построек.

Показав, на основе данных на строительство церковное и гражданское (правительственное, общественное и частновладельческое), автор демонстрирует «каждый вид типов зодчества на примере нескольких, а иногда даже одного здания. Просторно показаны соборы, колокольни и часовни, дворы, гауптхаусы и усадьбы, дома дворянских собраний, театры и трибунальные арки, а также интерьеры, дачи и сельские постройки — вплоть до достижений колодезных мастеров. Каждая постройка, каждая деталь внутренней или наружной ее декорации ставится в связь с ее местом и «ансамблем» архитектурного пейзажа, с ее назначением, памятника, жилая или лабазы. Формы зодчества обрешены на понятия из каждого письма живого языка.

В этом-то и заключается задача книги, написанной местными интересом и «душо», иногда же исландским базисом, отрывком и небрежно; она должна прежде всего послужить делу популяризации архитектурных сокровищ, «неизвестной» России; научная же и исчерпывающая их опись, многотрудное составление «инвентаря» этих богатств еще впереди; по справедливому замечанию Г. К. Лукомского подобное дело непосильно для одной великодушности.

По частной инициативе. По нашему своему виду издание «Памятников Архитектуры России» приближалось к хорошему известной «История живописи» А. Н. Бенуа; вышедшее в quarto печатно вполне тщательно (забыть список иллюстраций) и украшено изысканными воспроизведениями, добросовестно выполненными. Все это дало бы «Нашу Провинцию» «целиком» и своеобразным вкладом в литературу о русском искусстве.

А. Л. Ив.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ.

В последние, сильно запоздавшей, книжки «Русского Архива» напечатаны воспоминания об усадьбе «Головино», близ Петровско-Разумовского (около Москвы). Совсем своеобразная, даже и по тому времени (80 годы), жизнь усадьбы — тихая, аскетично-революционная, патристическая, — такой тою жизни дала владыка усадьбы В. И. Головин.

Передо мной из мира прошлого встают, как живые, образы владыки Головина.

М. И. Головин, митя, добродушный необыкновенно подвижной для своего возраста, представлял собой тип барина московца, старожла, состоявшего из родств с старинными дворянскими семьями и детально знакомого с их родословными. Он восстал сортуху теньюкоричневого сукна, очень высокой прямой воротник, и занимать в шель, большими башмаки, шелковую черную косынку, замешанную только исторический 50-х годов узкий вышитый шарфик суконной буржуйкой с большим козырьком. Он был инициал «свистящим» человеком, gentleman из толковых, смысл слова cavalier негавит в отношении к дамам и к их возрасту, отдаленно говорил по-французски и любил в обращении к жень, подчеркивая и родным употребляет приятное «tu, mon amie».

Совершенный контраст своему миру представляла жергича, рыцарственная, владетель В. И., сохранившая, несмотря на свою полноту, сады прежней красоты, достоявшейся ей, неаккуратной женщиной, большой успех в аристократических кругах Москвы 50-х годов. Уроженка Барятинских, состоявшая не помню уже в каких родах с потомком дворян, она после смерти первого мужа своего Н. А. Батюкова осталась молодой вдовой с единственной малолетней дочерью.

Благотворная, религиозная, склонная к мистицизму, она была очень замкнутой женщиной; строго соблюдала посты, посещала монастыри, совершала частная паломничества к старцу Варнаву из Троице-Сергиевской Лавры, отцу Амфилохию из Оптиной пустыни и пр., и была деятельной переспективой к вышнему духовному миру.

...В единственном с своем кругу, духовно-культурном дворе, Головинского дома, особенно памятна мне большая комната с аркой, служившая одновременно гостиной и залом, с красивой стеной, красного дерева мебелью, вышитыми зеркалами. Она представляла мир в жаркий летний день — при опущенных маршалах — с блестящими как зеркало узорчатыми паркетами.

Рядом, в гостиной, в правом углу помещался стол Св. Св. Нерукотворенного: фамильный образ семьи Головиных.

Всягдашняя полустертая комната, в которой помещался большой старинный орган. В верхнем этаже был помещен С. Н. С.

Во 2-м этаже здания, носившего название общины, помещалась маленькая домовая церковь.

...Особенную принадлежность усадьбы представлял старинный парк с аллеями ивишних лип. В конце средней находилась в то время маленькая часовня-кейса, посвященная памяти Преподобного Сергия Радонежского; бременчатая, с липовыми скамейками вдоль ствеев, увешанных картинами — изображениями различных знаменитых из жизни Преподобного. В углу помещались иконы, перед которой теплилась неугасимая лампада и стоял стол, накрытый скатертью. Кейса эта служила любимым местом отдохновения В. И., привнесший скатерть, бывшая связана с жизнью и оставшаяся для чтения одну из своих излюбленных, духовных книг.

В конце парка была маленькая пруд, а за ним небольшая роща, из глубины которой, за высоким тесовым забором, скрывалась келья какого-то отшельника. Я случайно припомню рассказы о нем, они представлялись мне таким близкими, что я не даю себе ответа из том, существовал ли он на самом деле, или это была легенда, созданная пылкой детской воображением.

При входе в парк назрело находилось небольшое оранжерея. Она особенно славилась своим персидским дарами, плодами, которыми не было даже в Парке Сельских Дворянских оранжереях. Превосходный садик Хедерной, о приезд которого сообщал дядя, был специально командирован в Головино за ним. Это был чудный сорт совершенно зеленого, крупных персиков Велуе, отличающийся необычайно вкусом и ароматом.

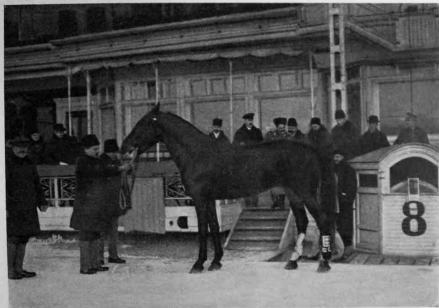
Теперь это Головинский женский монастырь. Автор, М. Ив. был там свое в 1914 году.

Напротив возмужавшей старей барской Головинской дачи. Я сразу узнала его. По величине виду он остался почти прежним, даже по окресткам.

Фингальный, как и оранжерея вовсе не существовал; на месте подкаменной возмужавшей духовно-культурной дачи церковно-приходской школы. Не осталось и ствее часовни и маленькой кельи затворника, в роще за прудом.

Усадьба парк с его широкими аллеями стилистически выключилась из жизни, выскрестил из моей памяти столько связанных, отдаленных воспоминаний счастливого далекого детства...

СПОРТЪ И КОННОЗАВОДСТВО.

Лавръ.—к. ж. р. 1910 г., прил. Н. В. Телегину,
зав. собств. отъ Джо-е-Маккерова 2:04½ и Ле-
генды 1:36. Побдатель приза „Въ память
исполнени, въ 1886 г. 25-лѣтняго юбилея Обще-
ства“ при рѣзвости 2:15½. Лучши рѣзвости:
1 в.—1:28½, 1½ в.—2:13 и 3 в.—4:39½. Обща
сумма выигрыша къ 30 Декабря 1915 г. 74.336 р.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
РУССКОГО ЯЗЫКА

«АДМ»

и Линия (Триш-триш. Расклин), над-во: «Сверные» — новое и несомненно замечательное явление из нашей художественной литературы. Это не одна из тех бойких пугал, которые быстро вскакивают на поверхности мутных дуж литературной удачи, чтобы через мгновение лопнуть беззвучно. У Линии острое зрение, и из экономно-импрессионистской манеры его писания складываются удивительные картины. Давно не встречали мы ни таких точных, твердых, чеканных эпитетов, ни таких описаний природы — мигших, пастельных тонов.

...Младшие юны, за оком невозможно увидеть дождя, о кардина... Книжки отогнаны тяжелое свое кресло, подоланть как око. Но дворю несутся для измывах дна по бокам полу-крутого паша для зыбка, мутью жесткие замалкивания четырехугольной формы, бастить мертво асфальт двора, текут темные ручьи. За воротами сумрачно темнеют голые деревья бульвара.

А когда бланш полукакая — старуха, возмущается в майский вечер из богатыря, оскорбленная невинностью своего питомца, которого она когда-то вынуждала, «стоит над садом, над теплотой, тоненькой бланш мещан, дыбкой и очей грустней».

Триш-триш... — это жизнь старого князя, разоряющегося боинанья, одиноко доживающего свои шестой десяток в деревни, в своем роде, бывшего человека.

«Князь, в сфоре австрийской куртки на зачехлях мху, стоит у окоп кабинета и смотрит из сада. Падает тихий, ский свист. Так же он падает тринадцать лет назад, когда хоронили княгиню... Князь хмурит морщина свои брови и дергает начерченный ус.

В кабинете темные, шпоре обон, — выбирая из тогда выхит с книжной в Москве, у Кротова, — широкий ливан, в прожектих, оленья рога. Но обон уже отстает покуда таерным пуширым, карточкой из овалных рамках покатей и выхитли до неузнаваемости, моль пролаз шерсть на рогах.

...Еще с начала декабря князь заскучал — как, всегда, как каждый год: занесла ночь по июню, по Москю... Потопляясь по Тверской в предвзвешенной сутюгой, заты к Еленеву, купить лангуста. Прокатится на ливант из заспиченный парк, в Спрлыну... Можно Севку с собой взять. Поболтать с чигалочками... Ах, хорошо!.. Не то, что тогда. Глухомань. Дуря...

И вот князь запропал на корню мѣстному кулаку, деньги в кармане, и князь везет в Москву.

«Боже мой, снова Москю!.. Милая Калачикова, Красная ворота...

Лихих гисист, летят коня на полость, под-мелать... Вост Москю, Почтай... — Князь раздвигает рот и ловит острый восток с сибирскими... Нав, положи-тельно можно сь узка соби оть востора. А когда-то он жил здѣсь!.. Но вот Театральная площадь, Большой театр».

Князь веселится не один. С ним молодой наперсник — племянник-племянник Сена, рѣзкий, как флюгер-флюгер. Программа первого их вечера, — сказала из оперету, ужины в Спрлу, отуда к Яру и вылет кофе в Спрлыну!.. Вы оперету Сена знакомит князя с ныходной артисткой Нелли, «хорошенькой, напудренной Нелли, с сибирскими рожи, и бархатной, задорной мушкой». Из оперету «звуть на ливант евичской рожи к Яру, отуда мчаться в Спрлыну. Князь жмет в муфт горючую руку Нелли и чувствует, что ему не питьется сема, а двадцать петь, даже двадцать».

Они в Спрлыну!.. Князь присоединяется к какой-то венгерке, вытанки в еще другя.

Заскание переносится в кабинет. На столъ уже шампанское, сухой черный хлѣб, фисташки. Князь морщится и сь вѣдет шланг блочечкой фисташек. Венгерка объясняет его за шек:

— Книжника, удань танец...

Князь откликнется, но негодяй Севка натравливает на него всѣх женщин — князь окончательно разонимает, и женщины писклются от него сь выногом.

— Дуря, — кричит она и бьет кулаком по столу. — Желаете видеть, как князь Ларсы танцует мазурку? Музыку! Призвать лисий тавер.

— Нелля, мазурку, — объясняет князь и выходит из Нелли на середину.

Рывасть и стовет разбитый рожи, стучат кабуки лапками книжеских ботинков сь воображаемыми шпорами, князь дернется сь коношеской грацией партнершу — показывая знаменитую мазурку, «его» мазурку, мазурку князя Ларского!.. Поставил старуха кабуки — а князь, как лодерьянный, запрокинув голову, падает на одно колено перед партнершей.

Его, потаго, полубезумствую, сажает на диван и лопот шампанским. Женщины апплодируют и восхищенно обнимают».

Кончается московский угар. На дупѣ какой-то дранной осядож, доедет нѣтъ. Пора домой, в постылое вынѣ, кѣ атрому и наболающему Илуту, а тамъ пойдѣт все то же — однообразие

жиз, злѣтъ... Москва поидѣт, жавъ сонѣ. Была бы такѣ стѣ-садаки и томительная, — дупѣ бы нѣтъ не было... А нѣредѣ — годѣ одиночества, озурнувшей стѣки, безмолвнѣхъ нечеловѣкъ».

Домѣ — нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ, таже-нѣтъ и мѣсто. Книжѣ на мѣстѣ жавъ.

«Овъ открываетъ рѣзкую дверь, орады, садится на скресло и смотритъ туло на сѣдѣный горѣ, на засѣ-мѣный крестѣ. Ни одна мысль не приходитъ къ нему изъ этого ошлѣпнѣ. Кричитъ на деревѣхъ пороги, сыплетъ нѣтъ на его несмѣрную голову, на скреснѣный рух».

Курьезное quasi-любное издание выпущено книжникомъ изъ-границы Н. Шалова — сѣтъ «Народныхъ картинокъ» по сюжету юны. 100 листовъ исполненъ фотографіей въ тонахъ старого лубка, на бумагѣ стариннаго вида, съ первыми краями, съ на-рочно-ампловатой раскраской рисованныхъ картинъ. За исклю-чениемъ нѣсколькихъ рисунковъ, изображающихъ главы совѣ-скихъ державъ, всѣхъ выдержанъ грубоватый стиль типичныхъ «лабильныхъ листовъ», безъ малѣйшаго модернизма — нѣмцы да-дѣмъ въ костюмѣ XVIII вѣка. Сѣтъ карикатуръ и подписей даже не тонка, зато крутенькая.

Начальѣ выходить новый журналъ «Лѣтписи», на-сѣдникъ «Современника», теперь журнала Максима Горькаго.

Первый номеръ начинается превосходно написан-ными «Воспоминаніями» Горькаго. Горькій снова вер-нулся къ своему стилю, который создалъ ему извѣст-ность, въ которомъ онъ исключительно талантливъ.

«Воспоминанія» состоятъ изъ четырехъ самостоя-тельныхъ частей, написаны ярко, красочно. Но вотъ что! Почему наши таланты не идутъ дальше «грязи», «сора», «лязвѣ», пыльных рычащихъ полу-людей. Чуть не три четверти нашей современной литературы (кромѣ военной) толкуются и копаются на черномъ дворѣ, гдѣ сваливается ненужное и грязное. Отражен-іе жизни! Но неужели они не видятъ вокругъ себя ничего кромѣ «грязи» и «сора»? У насъ нѣтъ гор-доже — садныхъ, мы не досторѣ еще до англійскаго вли-даже нѣмецкаго уклада жизни, но неужели лучшая и почти исключительная тема для писателей — «грязь» и «сорь».

Лично у него зарывало, стерло, сѣдѣно жавъ, томѣй черепъ изъ грязныхъ струпилахъ; онъ очень подѣстѣ в гряз-номъ дворѣ, и большому дню.

Такъ начинается первая часть «Воспоминаній».

Въ паркѣ, у стѣны маленькаго старого дачи, среди сѣ-ры, выметастого изъ конитѣ, я увидѣлъ расстрѣпанную книгу, видно, она лежала тутъ давно, полъ доками осени, полъ сѣтѣмъ ливнѣ, прикрытая рожей джоей и жуткимъ пропол-злымъ антономъ. Теперь, когда весеннее солнце выступи-ло изъ страници, смѣшаны грязью, уже нельзя было прочитать, о чемъ говорить пожеланіи ливнѣ бѣзвѣ.

Такъ начинается вторая часть. Третья часть про-исходитъ «подъ грустнѣй звонѣ колоколовъ», въ проинициальныхъ будни, среди пыли захолустьяго го-рода, и кончается «отравленной рѣкой».

Стонутъ лѣтунки. Душный воздухъ неподвиженъ, какъ вода лѣсного озера. Чѣтнѣсто джогрѣстѣ дѣвъ. На поидѣтъ за отравленной рѣкой Тѣней серыиѣ гуль, — дѣзвѣй гроизъ рычатъ медѣдѣвъ.

И, наконецъ, такъ кончается четвертая часть.

Иду въ моремъ шорѣхъ дождѣ, и снова грязь, сонѣтъ мои босыи ноги. Сердце тоже жадно и больно сосутъ чѣм-то ховѣния, толстая губы...

Этотъ пишетъ большой писатель. Дальше, у маленькѣхъ, въ той же книгѣ сконцентрировано еще большѣе грязи, сора, вони, наворочены горы всякой мерзости, такой мерзости, что непріятно брать выдержки. Зачѣмъ этой? Неужели та ноняя жизни, о которой мечтаютъ въ «Лѣтписи» большѣе, чѣмъ гдѣ либо, создается изъ этихъ грязныхъ дѣвъ, сора и покрытыхъ язвами лицъ? Неужели нѣждѣомое счастливое будущее создадутъ люди, роищѣеся всю жизнь въ грязи и помояхъ? Неужели такими должны быть пророки обновленнаго чело-вѣчества?

В. В. Мауэровский. — «Танго».

ВЫСТАВКА ПЕТРОГРАДСКИХ ХУДОЖНИКОВЪ.

Всѣмъ за выставкой Стабровскаго въ залахъ Общества Поощренія Художествъ открылась 24-ая выставка Петроградскаго Общества Художниковъ.

Въ текущемъ году О-во понесло немалѣйшую утрату въ лицѣ своего прѣдсѣдателя проф. К. Е. Маковскаго.

К. Е. старался подойти и къ смерти съ красивой стороны. Такова его «Смерть Петронія», одна изъ интереснѣйшихъ композицій, гдѣ роковой вопроса небытия или сумѣлъ обмечь въ такую красивую форму. А судьба, по ироніи, послала ему смерть отъ трамвая!.. Главное мѣсто на выставкѣ отведено его произведеніямъ, которыхъ болѣе сотни. Золотистыя головки вѣнчиковъ блондинокъ, жуткія бронетки, темныя шпатели, боре, покосѣнныя люди, стѣны даушки, замушки, изюмшкія, серебро древней посуды, блескъ парча и шелка — все это сверкаетъ, переливается и живетъ въ его картинахъ. Изысканно изящныя поэмы его нисе, гдѣ голубой или розовый фонъ плыша, отъныи мастерицы выписанное женское тѣло, въ то же время эффектно сливается съ нимъ въ гармонію. Талантъ Маковскаго чувствуется во всѣхъ его вѣщахъ, хотя многіе изъ нихъ далеко не олимпійскаго достоинства.

Что касается другихъ экспонентовъ, то новаго несма мало. Новыя вещи такъ похожи на предыдущія, что кажутся повтореніемъ уже давно выданныхъ, вродѣ, чистѣйшихъ, вылизанныхъ до блеска хорошаго подноса, пейзажей Кондратьева — «Гора Юнгфрау въ Швейцаріи» или «Выдъ на о. Капри». Написаны они въ той манерѣ старыхъ «академиковъ», когда художникъ старался изобразить не только пейзажную гору Юнгфрау, но и всѣ вѣтви и листочки на ближайшемъ деревѣ. Теперь эта манера производить впечатленіе лишь раскрашенной фотографии. Среди другихъ пейзажистовъ — Лажечникова, Гефтера, Банинджияна, выделяются работы Велма — «Перелѣт грозой» и «Утро на озерѣ»; Прокофьева — «Вечеръ на Волгѣ», гдѣ подзудно персидскіе желтый закатъ жаркаго дня и уходящая въ даль картина тихой вечерней воды. Изъ работъ Ризанченко наиболее удачны «Такая обитель» — вещь хотя и декоративная, но въ ней много настроенія тихаго, задумчиваго сна. Особенно сильно чувствуется эта скромность разума съ такой восточной, какъ целовскій пейзажъ — «Джидане Сиватленецъ». Востокомъ вѣетъ и «На крышкѣ Самаркандъ» Кюлячевой. Авторъ пробовалъ два года въ Туркестанѣ изучать жизнь излюбленнаго имъ востока.

Освещенію у жанровыхъ *partie pie* — какъ можно меньше отражать текущихъ событій. Это рѣшеніе настолько сжато, что даже такой прескромный баталіанъ какъ Мауэровский выѣсто лѣвѣхъ кавалерійскихъ атакъ пишетъ «Танго». Обычныя ресторанныя обстановки, полъ плывущіе скрини оркестра изгибаются въ вылизаннѣйшій позы въсѣмъко шаръ. Намекая все это доводило живописно, красиво передано вечернее освѣщеніе и, по сравнению съ другими его работами, вещь извѣстнаго удачія. Дальше слѣдуютъ

его кисти дамскій портретъ г-жи Владимировны и жанръ «На охотѣ». Послѣдній сильно напоминаетъ, только въ увеличенномъ размѣрѣ, тѣ рисунки изъ англійской спортивной жизни, которыми обыкновенно украшаются ящики для сигаръ, или курительные приборы — молодой человекъ въ красномъ фракѣ, сидя на лошади, любезничаетъ со стоящей у калитки дѣвицей. Но пусть лучше красные фракы и дѣвичьи у заборовъ, чѣмъ такіе злободневные попытки какъ Венниговская «Усталая». Утомленная кровавой борьбой народовъ Франки, въ видѣ скелета съ костью въ рукѣ, отдалась на фонѣ зареи пожаровъ. Въ этомъ же родѣ и символика Деяткина «Вѣсны страданія» — вѣсны побѣды — явленіе Богородицы среди проволомныхъ загражденій и труповъ съ мученическими шрами.

Изъ портретовъ Егоровна наиболее удаченъ г-жи Кавалерной на фонѣ стараго gobelena. Въ ономъ, для сравненія, сослѣстѣ съ Маковскимъ виситъ «Сонъ» Бухгольца. Юная золотокудрая дѣва съ молочнорозовымъ тѣломъ разметалась среди бѣлыхъ розъ. Откаски Пасса на текущую жизнь «Въ музеѣ Эрмитажа» — раненые солдаты съ «милосердной сестрицей» осматриваютъ эрмитажныя коллекціи, или «Сборъ въ поалу раненыхъ» — спешка въ трамвай, за отсутствіемъ художественности исполненіе, носитъ скорѣе иллюстраціонный характеръ.

Головки Бабуца «Дѣла въ зеленномъ», «Дѣла въ красномъ» чередуются съ работами бирюсы Паскя «Голова», «Шляпка», «Испанка» деревенно писанными, отдаленно съ оленей и той же модели, и австрийски Галера «Испанка», «Смуглянка» и т. д. Такія темы художникъ можетъ варьировать до безконечности, хотя правда и безъ особой для себя поэмы, и часто даже во вредъ бланному зрѣтилю, которому приходится все это сморѣть. Нѣсколько оживляютъ утомительный обзоръ портреты-шаржи Пола Робера. Пѣлъ трудъ можно узнать въ «Monsieur R... homme de monde» извѣстнаго всему Петрограду г. Р., или въ танцующей каюте-то кляпу «Baba Griniewska» автора извѣстнаго «Baba». Очень хорошъ «Le satyre de la balalaïka» — Александръ съ обычной саркастической усмѣшкой. Остроумнѣе шаржъ «Feodor Ivanovich chez lui». Это, вѣдь, Федоръ! Шляпиннъ пишетъ съ Рѣнина портретъ, причѣмъ послѣдній развалился въ Шляпинской позѣ его прозаическаго портрета, а Шляпинъ, поднимаясь напиротъ, какъ на автопортретъ Рѣнина.

Единственная скульптура Кюферае аллегорическая группа «Al grido di Savoia» обращаетъ вниманіе своей хорошей техникой. Остатненъ разгнѣванный Италіей мускулистый берсерьеръ, прикусивъ въ смертельный бой. Группу эту посвящаютъ италіанскому королю Виктору-Эммануэлю III Савойскому по дѣю его рожденія.

Общая выставку нѣсколько переищесъ еще разъ взглянуть на Маковскаго...

С. Ко-ев.

Общество „Польский сокол“

Вечер, посвященный памяти польского поэта Станислава Выспянского.

Драматический фрагменты „Смерть Барбары Разиниллы“ (жизни короля Сигизмунда-Августа); се не признала двора и мать короля Бона (италианка) подосадила отравить Барбару. Барбара умирает в одной из комнат королевского двора „Вавель“ в Краковѣ.

Исполн. артисты Краковского театра:
Эйсымонт-Груберскан и Тадеуш
Скаржинский.

Мастерская художницы-скульпторши Н. Е. Семеновой; художественное образование получила из Парижа.

Где Дались,
одна из созданных
модельниц моды.
За ее костюма-
ми, иногда очень
жесткими, неко-
гда (смерть —
экзотичными,
но всегда ори-
гинальными, во-
выми, следить
ась. О них то-
ворить, а не
лишнее и не
вероятно подра-
жать.

Это ее новый
„creation“
(Sketch).

Т-во Р. Галики и А. Вильборг—Петроградъ, Звенигородские, 11.

Редактор-издатель Вл. Крымовъ.

ВЪ ПИТАНИИ СИЛА

KAKAO

ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

ГРАВИЮРА XVIII ВѢКА.

(По поводу выставки английскихъ и французскихъ гравюръ XVIII вѣка, въ Императорской Академіи Художествъ).

Восемнадцатый вѣкъ въ искусствѣ Франціи и Англіи занимаетъ совершенно обособленное мѣсто. Связать его съ предыдущими столѣтіями и видѣть въ немъ источникъ вдохновенія искусства послѣдующаго вѣка возможно лишь въ частныхъ случаяхъ, весьма немногочисленныхъ. XVIII вѣкъ жилъ своею собственною жизнью, очень полной, разнообразной, гармоничной, элегантной и, пожалуй, нѣсколько легкомысленной (что вѣрно, главнымъ образомъ, для Франціи). А какимъ изяществомъ, какой свѣжестью, фантазіей и изобрѣтательностью вѣстѣ отъ малѣйшихъ произведеній кисти, карандаша и иглы артистовъ того вѣка! Въ этомъ кроется его притягательная сила, этимъ объясняется почему люди нашего времени относятся къ нему съ такимъ интересомъ и почему его вѣчный ароматъ еще до сихъ поръ такъ сладко шепочетъ наше обоняніе.

Однимъ изъ разнообразныхъ проявленій искусства XVIII вѣка, въ которомъ оно достигло технического совершенства и уже никогда выше не поднималось, является гравюра. Правда, XVIII вѣкъ не былъ золотымъ вѣкомъ гравюры и не можетъ похвастаться именами гравировъ, которыхъ можно было бы поставить наравнѣ съ Дюреромъ, Мантиней, Рембрандтомъ, Калло и др., но это объясняется тѣмъ фактомъ, что въ этомъ вѣкѣ было гораздо менѣе оригинальныхъ гравировъ, т. е. художниковъ, гравировавшихъ свои собственные произведенія, чѣмъ гравировъ интерпретаторовъ и переводчиковъ. Но, установивши эту отличительную черту, мы должны признать, что, какъ интерпретаторы, они не мѣшаютъ себѣ равныхъ, настолько велика ихъ мастерство, технические приемы и проникновеніе выбраннымъ сюжетомъ.

Всѣ великіе и даже посредственные живописцы XVIII столѣтія, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, имѣли своихъ излюбленныхъ гравировъ, часто по нѣскольку. Такъ „божественный“ Антуанъ Ватто, вся грація и вся прелесть того вѣка, имѣлъ болѣе десятка гравировъ. Изъ нихъ первое мѣсто по качеству и по количеству „planches“ занимаютъ Франсуа Бушэ, Франсуа-Антуанъ Авеллингъ (онъ представлялся на выставкѣ Академіи Художествъ однимъ изъ своихъ шедевровъ, гравюрой рѣзцомъ съ знаменитой картины Ватто: *Выѣздки Жерсема*). Его же работы имѣется гравюра съ картины Шардена: *Карточный замокъ*, хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ), Бенуа Андронъ, Никола Тарье (неоднократно гравировалъ прославленное *Embarkement pour Cythère* и *Elisabethin поля*), Лоренъ Каро и др.

Впрочемъ, Ватто и самъ пробовалъ гравировать, но неудачно, тѣмъ же менѣе отписки его гравюры *La Troupe italienne*, исполненной Томассеномъ, очень рѣдки и стоятъ большихъ денегъ (такъ, напримеръ, на аукціонѣ Гонкура въ 1897 г. одинъ экземпляръ этой гравюры былъ проданъ за 750 франковъ).

Съ картинъ учениковъ Ватто, — Ланкрэ и Патеръ, существуетъ гораздо менѣе гравюръ. Ланкрэ передавался нѣсколько разъ, но не всегда удачно, вышеупомянутыми граверами. Что же касается Патера, то его лучшимъ граверомъ былъ Сюрюгъ.

Лучше всѣхъ послѣ Ватто вдохновилъ гравировъ великій реалистъ XVIII вѣка, — Шардэнъ. Съ его картинъ было сдѣлано нѣсколько шедевровъ. Пожалуй, лучшимъ толкователемъ Шардена была граверъ Леба (*Le Bas*); затѣмъ идутъ Жанъ Жакъ Фларпаръ, вышеупомянутый Антуанъ Авеллингъ и, наконецъ, Бернаръ Леписъ, прозванный придворнымъ граверомъ Шардена, что не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ, если Леписъ и сдѣлалъ много „досокъ“ съ картинъ Шардена, то его тонкій, но нѣсколько сухой рѣзецъ чувствовалъ себя гораздо болѣе свободнымъ, когда ему приходилось передавать портреты Розальды, Ванъ Лоръ и Натты.

Къ сожалѣнію, на выставкѣ нѣтъ ни одной работы Леба, Фларпара и Леписа, что является большимъ пробѣломъ.

Кто хорошо представляется на выставкѣ, такъ это одинъ изъ граціознѣйшихъ, хотя и шаловливыхъ, „petit maître“ французской живописи прошлаго вѣка, — Бодуэнъ, ученикъ Франсуа Бушэ. Это художникъ „intéressant“, разныя домашніе сценки, въ которыхъ отсѣивается, какъ въ зеркалѣ, вся интимная сторона этого легкомысленнаго, но столь очаровательнаго времени. Бодуэнъ живописецъ маленькихъ марокъ и „demoiselles de modes“, выпорхнувшихъ на мигъ изъ стекляннаго магазина какого нибудь Пакзиза того вѣка, напримеръ, Пакзиза, этого моднаго портного всего тогдашняго парижскаго „fruits gais“, съ уличемъ Сентъ-Омера.

Всего лучше, всего изящнѣе и всего умнѣе передать Бодуэнъ въ гравюрахъ младшаго Моро и Симона, Никола де Лонъ (*de Lamoignon*), Никола Понса, Массара и Шоффара.

Послѣдній изъ гравировъ представляетъ экземпляромъ одной изъ лучшихъ своихъ гравюръ съ картины Бодуэна: *La Sentinelle en défaut*. Очень хороша также превосходно сохранившійся экземпляръ шедевра Моро младшаго, законченнаго Симона съ картины все того же художника — *Le Couché de la mariée*, одинъ изъ экземпляровъ этой гравюры безъ подписей (*avant toutes lettres*) былъ проданъ не столь давно, въ Парижѣ, на аукціонѣ Жербо за 5.160 франковъ. На выставкѣ есть еще другой офортъ Моро младшаго, законченный рѣзцомъ Симона: *Смѣшная модель* и, наконецъ, очень милая и изысканная гравюра Никола де Лонъ, опять таки съ картины Бодуэна: *le Carquois brisé* (утомившіеся любовники).

Вообще „petits maîtres“, занимавшіе лишь второстепенное мѣсто во французской живописи XVIII вѣка и ихъ популяризаторы — гра-

веры, представленные на выставках довольно плохо и пожалуй в ущерб художникам и граверам первой величины. Так например Лаврейкс, художник более грубый чем Бодуэн, представлен, если не ошибаюсь, пять раз работами Никола де Лона, столько же работами Видала, четыре раза работами Дексонвиля (Desdouchville) и два раза посредственными красочными акватинтами Шапюи.

Впрочем гравюры в красках представлены на выставках (во французском отделе, во крайней мере) весьма слабо. Не только ни одной работы родоначальника красочной гравюры во Франции Жака-Кристофа Леблон и его учеников, что еще не особенно удивительно в виду того, что гравюры его „уники“, но даже ни одного произведения высокоталантливого Жанниа, на которого был такой спрос за границей. Еще не столь давно экземпляр „avant la lettre“ его гравюры в красках с картины Лаврейкса, его любимого художника, был продан на аукционе Барро за 10.000 франков. Правда, на выставках есть несколько красочных акватинт Дебукура, но эти наиболее характерны, за исключением разве Руки и Розы, первый лист которых был продан на аукционе Сарду 33.000 франков.

Буше и Фрагонар гравировали самолично очень много. Первый сделал 82 оригинальных офорта с своих произведений, второй исполнил 24 офорта, хотя лучшие воспроизведения с его картин принадлежат руке опять таки Никола де Лона, например гравюры с знаменитой картины Фрагонара: *Les Hasards heureux de l'escarpolette*. Удачно представлены Фрагонар, во первых хорошим экземпляром гравюры де Лона: *Хорошая мать*, а затем лависом отпечатанным быстро, *Падение* (*La Chûte*).

В общем же французский отдел страдает односторонностью и засорен массой второстепенных вещей, что умаляет его ценность вообще.

* * *

Английское искусство XVIII века в противоположность французскому чуждо грубости и легкомыслию, но также и грани. Оно более сосредоточено, хотя в мастерстве мало чем уступает первому.

Во живописи—это благородная плеяда великих портретистов, Лауренса, Гейнсборо, Рейнольдса, Роми, Хоппера и др., в гравюрах,—несколько странный, но могучий и малый рыцарь Хогарт. А за ними целая фаланга талантливых жанристов, не лишённых англо-саксонского юмора и сатирической жилки, но предпочитавших изображать семейные, деревенские и спортивные сценки; радости материнства, игры и забавы юности, сладкие плачи молодости, развлечения и досуги людей зрелого возраста. Все это в тонах ничего не имющего общего с слащавостью Грёза, как грубоватостью Бодуэна, а наоборот очень серьезно, деловито и лишь слегка наивно, à l'heure de réam.

Так как английские гравёры в большинстве случаев и за исключением Хогарта, дошедшего до нас несколькими сериями оригинальных гравюр, были лишь очень талантливыми и почтительными популяризаторами английских художников, то английские гравюры XVIII века отличаются теми же качествами и особенностями, что и английская живопись.

Особенно удавались английским гравёрам воспроизведение портретов великих английских мастеров кисти. Портреты Рейнольдса гравировали обыкновенно Джон Ватсон (*портрет самого художника*), Томас Ватсон (*портрет Лиди Бамфильда*), Мэри Арделль, В. Грин, представленный на выставках Академии Художеств великолепной гравюрой с *портрета Анны Харрингтон* (*Ann, Countess of Harrington*), Бартоломи (красочный офорт с портрета той же леди) и наконец Диккинсон (*Diana, Viscountess of Crosbie*). Экземпляр этой гравюры имеется на выставках и является одним из его „гвоздей“.

Гейнсборо передавался рыцарем и игрой гораздо реже и менее удачно. Впрочем он сам—автор нескольких пейзажей офорта. На выставках он представлен работами Трина и Джона Ватсона.

Работы Роми, Джона Хоппера, Анжелики Кауфман и Марии Косиз были многократно переведены на медь. Однако, самыми популярными и наиболее ценными коллекционерами были всегда работы Джона Рафаэля Смита, чья и объясняется обилие его произведений в разном манере на выставках. Многие из них весьма удачны и очень хорошо сохранились, между прочим воспроизведения семейных и деревенских сценок художника Морланда, этого популярного бытописца английской жизни позпрошлого века. Морланд кроме того представлен многочисленными работами талантливого гравёра В. Уорда. Довольно удачно подобран оригинальный аквафортист Роулендсон, известный сатирик того времени. Это одна из сторон английского отдела выставки. Однако, думается всё, самым первенства будет отдана, многим, воспроизведениям шедевров английских портретистов, и главным образом одного из них, Рейнольдса, который представлен кроме работ вышеупомянутых гравёров известным *портретом Lady Caroline Price*, великолепно гравированным в четкой манере Джонсоном и изображённым *Mary Isabelle, Duchess of Rutland*, в передаче В. Грина.

В общем выходит, как будто английский отдел выставки более полон и интересен. Но и здесь и там есть „уники“, есть шедевры гравюры, силы и технического совершенства, и в общем, выставка представляет крупный интерес.

Николай Бречанинов.